

Научная статья
УДК 94+070.14"1914/1918"
doi: 10.17223/19988613/93/4

Газетные слухи в контексте военно-цензурных и общественных практик периода Первой мировой войны

Валерий Федорович Блохин¹, Вячеслав Вениаминович Шевцов²

¹Брянский государственный университет, Брянск, Россия

²Томский государственный университет, Томск, Россия

¹blohin.val@yandex.ru

²totleben@yandex.ru

Аннотация. Представлена интерпретация некоторых слухов времен Первой мировой войны, запечатленных в газетных текстах. Показано отношение военной цензуры к публикациям в периодической печати, способным послужить основой для распространения домыслов, влиявших на массовые настроения населения. В центре исследования находится небольшая заметка из газеты «Вечернее время», послужившая основанием для цензурного взыскания. Посредством привлечения исторических фактов, связанных с отношениями России со странами-союзниками и «нейтралами», произведена реконструкция причин возникшего цензурного преследования.

Ключевые слова: Первая мировая война, военная цензура, периодическая печать, слухи, Совет министров Российской империи, публичная сфера

Благодарности: Статья написана при поддержке гранта РНФ № 25-28-00933 «Печать в публичной сфере как актор интеграции и самоорганизации российского общества в условиях Первой мировой войны».

Для цитирования: Блохин В.Ф., Шевцов В.В. Газетные слухи в контексте военно-цензурных и общественных практик периода Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 31–37. doi: 10.17223/19988613/93/4

Original article

Newspaper rumors in the context of military censorship and public practices during the First World War

Valery F. Blokhin¹, Vyacheslav V. Shevtsov²

¹Bryansk State University, Bryansk, Russian Federation

²Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹blohin.val@yandex.ru

²totleben@yandex.ru

Abstract. In conditions of the First World War, rumors regularly appeared on the pages of newspapers, which tried to confirm or deny them. It is difficult to determine the primary and secondary nature of this kind of information: periodicals themselves generated various kinds of speculation, developing them in newspaper publications. Probably, the authors of such publications were confident in their reliability, since they believed that they had received information from “reliable sources.”

Using the example of the note “Ridiculous Rumors” from the newspaper “Vecherneye Vremya” (April 21, 1916), using archival sources, it is shown how the publication of a possible ultimatum from Russia to neutral Sweden caused claims against the newspaper from the censorship department, although this rumor was presented with its refutation. Readers were assured that relations between Russia and neutral Sweden are good.

Indeed, Sweden was dissatisfied with the English naval blockade, which was aimed at the exchange of goods with Germany. Russia had to coordinate with England its exchange of goods with Sweden regarding its supply of raw materials for possible military purposes and food. The situation was therefore of political and economic importance, requiring caution in public statements. That was the reason why the note in “Vecherneye Vremya” attracted the attention of the Petrograd Military Censorship Commission.

Since Petrograd Governorate was under martial law, a preliminary censorship regime was in effect. The note “Ridiculous Rumors” was published without submitting it for preliminary consideration by military censorship, which caused a reprimand to the newspaper.

The attitude of the Petrograd Military Censorship Commission to such “news” was negative. It was supposed to prevent the emergence of secret military information in the press and control public opinion on the domestic front about the war, although the abundance of such “news” made it difficult to censor all published newspapers. At the same time, there was also control over publications by the newspaper editors themselves, to avoid disapproval from the censorship.

Examples of news created based on unreliable rumors allow us to make conclusion that most of them were generated by the lack of genuine information from reliable official sources. In addition, periodicals wanted to attract the reader’s

attention in this way. Sometimes the opposite situation occurred: the newspaper tried to refute the rumor, but its presentation on newspaper pages contributed to increasing the number of assumptions discussed by society.

Keywords: World War I, military censorship, periodicals, rumors, Council of Ministers of the Russian Empire, public sphere

Acknowledgements: The article was written with the support of the RNF grant № 25-28-00933 "Press in the public sphere as an actor of integration and self-organization of the Russian society in the conditions of the First World War".

For citation: Blokhin, V.F., Shevtsov, V.V. (2025) Newspaper rumors in the context of military censorship and public practices during the First World War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 31–37. doi: 10.17223/19988613/93/4

В условиях Первой мировой войны слухи регулярно проникали на страницы газет, которые пытались подтвердить или опровергнуть их. Сложно определить первичность и вторичность такого рода сведений: периодическая печать сама порождала различного рода домыслы, развивая их в газетных статьях. Вероятно, авторы таких публикаций были уверены в их достоверности, поскольку полагали, что получили информацию из «достоверных источников».

На примере заметки «Нелепые слухи» из газеты «Вечернее время» с помощью привлечения архивных источников показано, каким образом публикация о возможном ультиматуме России нейтральной Швеции вызвала претензии к газете со стороны цензурного ведомства, хотя данный слух приводился с его опровержением: читатели уверялись, что отношения между Россией и нейтральной Швецией хорошие.

Действительно, Швеция была недовольна английской морской блокадой, направленной на товарообмен с Германией. Россия должна была согласовывать с Англией свой товарообмен со Швецией по поводу поставок ей сырья возможного военного назначения и продовольствия. Таким образом, эта ситуация отличалась политической и экономической важностью, требовавшей осторожности в публичных заявлениях. Поэтому заметка в «Вечернем времени» привлекла внимание Петроградской военно-цензурной комиссии.

Поскольку Петроградская губерния находилась на военном положении, в ней действовал режим предварительной цензуры. Заметка «Нелепые слухи» была напечатана без представления ее на предварительное рассмотрение военной цензуры, что вызвало замечание газете.

Отношение к таким «новостям» Петроградской военно-цензурной комиссии было негативным. Она должна была препятствовать появлению в печати секретной военной информации и контролировать общественные настроения в тылу по поводу войны. Однако обилие таких «новостей» делало сложным контроль цензорами над всеми издаваемыми газетами. При этом был контроль публикаций и со стороны самих газетных редакций, чтобы не вызывать неодобрения цензуры.

Примеры новостей, созданных на основе недостоверных слухов, позволяют сделать вывод, что большинство из них было порождено отсутствием надежной информации из официальных источников. Кроме того, периодические издания желали таким образом привлечь внимание читателя. Иногда происходила обратная ситуация: газета пыталась опровергнуть слух, но, приводя его на своих страницах, способствовала увеличению в обществе числа вовлеченных в обсуждение возникших догадок.

Перед самым началом Первой мировой войны действовал принцип контроля над прессой, который с некоторыми ограничениями и оговорками, связанными с использованием властью административного ресурса, можно определить как «двусторонне удовлетворительный». Объясняется это тем, что в тот период система регулирования отношений властных структур и периодической печати имела преимущества по сравнению с предварительной цензурой, а государство сполна оценило роль прессы в формировании общественных настроений и проявляло стремление с ее помощью добиться максимальной мобилизации общественного согласия и лояльности. Даже в условиях начавшейся войны отчасти сохранялась система, основанная на добровольном контроле самими редакциями «повременных» изданий материалов, предназначенных к публикации. Однако действие такого порядка распространялось главным образом на районы, не находившиеся на театре военных действий.

Несколько дней спустя после начала Первой мировой войны военное ведомство обратилось к населению империи с призывом всемерно содействовать сохранению в полной тайне всего, что касалось военных действий. При этом предполагалось, что общество будет мириться с краткостью и вероятной скудностью тех сведений, которые будут доступны, оправдывая эти ограничения военной необходимостью. «Неосторожность в разговорах, письмах и телеграммах может способствовать распространению за пределами России сведений о расположении, передвижениях, составе и численности наших вооруженных сил, чем будет нанесен нашей родине трудно поправимый вред и что может потребовать от нашей армии лишних жертв» [1].

В обращении звучал также призыв относиться с осторожностью ко всякого рода непроверенным слухам, что должно было являться подтверждением доверия к мощи армии. Сам факт их широкого распространения по стране являлся, однако, одним из побочных симптомов действия информационных ограничений.

Степень влияния государства на процесс функционирования массовой коммуникации периода войны до сих пор не получила убедительной научной интерпретации. Целостное осмысление происходивших в тот период процессов недоступно и для авторов представленной статьи, поскольку пока еще не собран достаточный объем фактического материала, при помощи которого возможно дифференцировать официальную политику в области распространения массовой информации на разных этапах Первой мировой войны.

В этой связи уместно согласиться с известным специалистом в области социологии общественных си-

стем немецким ученым Никласом Луманом (Niklas Luhmann): «...нужны, прежде всего, теоретические инструменты, которые были бы достаточно абстрактны, чтобы с их помощью теорию массмедиа можно было встроить в рамки общей теории современного общества» [2. С. 18].

Автор специально подготовленной записки «О роли печати в настоящей войне и меры к введению этой роли в надлежащие рамки», предназначенной для штаба Верховного главнокомандующего, такими теоретическими навыками не обладал и в своих рассуждениях отмечал, что с момента начала военных действий почти непрерывно Петроград волновали тревожные толки, значительная часть которых была почерпнута из периодической печати или навеяна ее сообщениями.

Содержанием этих толков были якобы постоянные неудачи русской армии на фронте, небывалые поражения и неимоверное количество военных, сдавшихся в плен. Даже в начале войны, когда армия добивалась крупных успехов на Юго-Западном фронте, Петроград был преисполнен пессимизма и не верил сообщениям о победах. Дело доходило до того, что «18 августа называлось днем занятия Петрограда немцами» [3. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1484. Л. 32].

Неоднократно распространялся слух, что «сокровища Зимнего дворца, Эрмитажа, Государственный архив и дела центральных учреждений уже отправляются или отправлены в Москву, что наш флот разьединен, и часть его заперта в Рижском заливе, часть скрывается в Финском, что враг господствует на море и не сегодня-завтра высадит десант в Финляндии, что некоторые части нашей армии вооружены дубинами, что наши союзники французы и не могут, и не желают переходить в наступление, что сербы уже давно втихомолку помирились с австрийцами, а итальянцы ведут бутафорскую войну и т.д.» [3. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1484. Л. 32].

Известный социальный психолог Д.В. Ольшанский представил наиболее общую классификацию слухов, среди которых выделил *слух-пугало* с характерными эмоционально негативными настроениями и общественными состояниями, *слух-желание* с типичным для него успокаивающим, но и деморализующим, вызывающим завышенные ожидания эффектом, *слух агрессивный*, со всей очевидностью направленный на поведенческий «ответ», жесткую агрессию. Наконец, *нелепые слухи*, совмещающие желания, страх и даже агрессию, но при этом с доминированием в них очевидной нелепости описываемого. Основой для появления последних чаще всего служит путаница, характерная для обыденного массового сознания, а почвой – растерянность, вызванная сменой систем ценностей, представлений, картин мира [4. С. 276–279]. В нашем контексте очень важен вывод, представленный Ольшанским: «Принято считать, что полностью информационно достоверными слухи практически никогда не бывают, поскольку в самом процессе циркуляции фабула слуха обычно претерпевает психологически закономерные трансформации» [4. С. 276].

Перечисленные в записке начального периода мировой войны слухи дают обильную пищу для размыш-

лений. В документе был представлен довольно широкий спектр псевдоявлений, якобы порожденных периодической печатью и основанных на упрощенном понимании происходивших событий, а также вытекавших из них выводов, отличавшихся ярко выраженной негативной коннотацией.

Уровень недовольства, проявляющийся в публичной сфере, как правило, измеряется степенью доверия к властям. Поскольку речь шла не об отстраненно-развлекательных новостях, а о государственной политике и ее реализации в военной области, можно констатировать уменьшение авторитета властных структур. Традиционно считалось, что объявление о вступлении России в войну и патриотические манифестации, прокатившиеся по стране, являются подтверждением обратного, но даже приведенное содержание небольшого количества слухов способно поколебать это представление.

Известный специалист в области изучения социальной истории В.Б. Аксенов в своей монографии отмечает разную природу патриотических настроений этого периода: «...в отношении власти патриотизм по-разному проявлялся у различных социальных слоев: патриотические концепции русских монархистов явно отличались от патриотических ментальных традиций русского крестьянства» [5. С. 27]. Отметим, что проблема патриотических настроений 1914 г. в контексте столкновения традиционного и гражданского патриотизма рассматривается не только в работе В.Б. Аксенова [6].

Средства печати уже в тот период пытались тщательно отбирать и обрабатывать предназначенную для публикации информацию, поэтому в данной связи следует говорить не о недоверии населения к властям, а о сомнениях в достоверности сведений, почерпнутых из периодических изданий. Ответы на возникавшие вопросы обыватели искали, скорее всего, в межличностной коммуникации, формировавшей искаженные, эмоционально окрашенные факты. Автор записки «О роли печати» явно преувеличивал роль прессы в распространении сведений, которые превращались в невероятные слухи, передаваемые из уст в уста населения, хотя некоторые из приведенных толкований текущих событий наверняка имели газетное происхождение. Например, проблема нежелания и невозможности Франции перейти в наступление вряд ли родилась в ходе обсуждений в рамках межличностных контактов, но, несомненно, обрела искаженный вид в ходе таких пересудов.

Встречались ситуации, когда газеты не только сами пытались распространить тот или иной слух, но и «умело с ним боролись», вызывая читательский интерес к своим публикациям. Например, газета «Петроградский курьер» подготовила для номера, намеченного к выходу 8 сентября 1914 г., сообщение о полученных из «авторитетного источника» сведениях, что «в каких-то петроградских дипломатических кругах» обсуждается вопрос о возможности скорого мира, на том будто бы основании, что державами Тройственного соглашения «не предстоит задача свести на нет существование Германии, что союзникам нужно лишь прекратить

рост милитаризма». «В каких “дипломатических” кругах возможны у нас подобные рассуждения – мы не знаем, – заявлял автор публикации в газете. – Но мы принимаем на себя смелость решительно утверждать, что рассуждения, подобное приведенным, уместны лишь на Фридрихштрассе, лишены всякой почвы и совершенно не выражают взгляда руководящих кругов, ни наших, ни союзников России» [7. Ф. 778. Оп. 2. Д. 1. Л. 7 об.]. Впрочем, этот текст не дошел до читателей газеты, поскольку был удален военным цензором Петроградской военно-цензурной комиссии.

Рассмотренный эпизод относится к осени 1914 г., тогда же цензура предотвратила рассуждения на уровне слуха в газете «Полдень» от 8 сентября 1914 г. Цензор удалил следующий отрезок текста: «Ходит слух, что выход оттоманской эскадры в Черное море – решенное дело, и что одновременно с этим турецкая армия двинется к кавказской границе» [7. Ф. 778. Оп. 2. Д. 1. Л. 2].

В последующие годы такого рода попытки со стороны редакций газет сохранились и даже, несмотря на бдительность цензурных органов, в виде исключений доходили до читателей. Например, в апреле 1916 г. председатель Петроградской военно-цензурной комиссии докладывал начальнику Петроградского военного округа о публикации в газете «Вечернее время» характерной заметки под названием «Нелепые слухи», которая, судя по названию, должна была противодействовать распространению разного рода домыслов, но на самом деле лишь способствовала увеличению в обществе числа вовлеченных в обсуждение догадок.

Смысл обсуждаемой проблемы сводился к следующему: «За последние дни в Петрограде распространяются слухи относительно будто бы произошедших осложнений между Россией и Швецией. Наши кумушки, не останавливающиеся решительно ни перед чем в своих изобретениях, придумали даже какой-то ультиматум с русской стороны, посланный, по тем же фантастическим слухам, по настоянию Англии» [8], – так выглядело начало публикации.

Небольшой текст газетной заметки имел несколько смысловых значений, требовавших цензурного вмешательства. Во-первых, в ней затрагивалась деятельность, в орбиту которой были вовлечены многочисленные гражданские и военные российские структуры. Речь шла о привлечении на свою сторону государств, занимавших в условиях войны нейтральную позицию и находившихся в сфере политических, военных и экономических интересов противостоящих друг другу блоков.

Шведский парламент, общественность страны единодушно поддерживали политику нейтралитета. Однако в условиях Первой мировой войны нейтралитет некоторых государств имел довольно своеобразные формы. Например, Греция находила возможным предоставить одной из воевавших сторон принадлежащие ей острова, гавани и довольно значительную часть своей территории на материке, и войска Антанты совершенно открыто располагались в Салониках.

Позиция Швеции как нейтральной страны также имела свои особенности, которые Осведомительный отдел российского Министерства иностранных дел

выделил в январе 1916 г. со ссылкой на перевод статьи из немецкой газеты *Hamburger Nachrichten*: «Если Англия воспользуется своим положением на морях, то и Швеция должна будет воспользоваться своим положением между Великобританией и ее союзницей Россией. Если Англия сделает попытку лишить шведский народ пищевых продуктов и промышленного сырья, то и Швеция со своей стороны лишит Англию и Россию некоторых необходимых им продуктов» [9. Ф. 140. Оп. 477. Д. 648. Л. 139]. Впрочем, анализ шведской печати показывает, что официальные круги государства в условиях мировой войны имели очень мало поводов «жаловаться на образ действий или на политику России» [9. Ф. 140. Оп. 477. Д. 648. Л. 140], стремившейся сохранить дружественные отношения между странами. В то же время шведская сторона отмечала, что в годы войны обязательства и соглашения потеряли всякую ценность, поэтому в этих условиях устные заверения государственных деятелей не могли иметь особого значения [9. Ф. 140. Оп. 477. Д. 648. Л. 141].

Недовольство шведской стороны вызывала английская морская блокада, которая была направлена на товарообмен между нейтральными и воевавшими странами и поддерживалась Россией. В случаях, когда возникало подозрение в перевозке товаров во враждебные Антанте государства, дело доходило до захвата судов. Даже в самой Англии, в ее «умеренных кругах», высказывалась критика против крайностей проводимой блокадной политики, отмечался косвенный ущерб, наносимый ею союзникам. Швеция же исходила из своей торговой выгоды и требовала пропуска всех товаров, в том числе и таких, которые явно предназначались для Германии.

В этой ситуации Россия во внешней торговле, связанной с морскими поставками, вынуждена была согласовывать свои действия с союзником, что было вполне естественным, хотя и не всегда выгодным. На это содержался намек в упомянутой заметке из «Вечернего времени». Например, Совет министров в журнале заседания от 5 января 1916 г. записал решение о вывозе в Швецию, Норвегию и Данию минеральных масел из России при контроле со стороны Англии. «При этом само собой разумеется, что указанное количество нефтяных масел должно быть включено в общую норму разрешенного великобританским правительством ввоза продукта в названные страны, с соответственным уменьшением поставки из Америки» [9. Ф. 323. Оп. 617. Д. 8. Л. 33], – указывалось в представлении министерства финансов от 23 декабря 1915 г. по вопросу о вывозе в Швецию, Норвегию и Данию минеральных масел. В документе оговаривалась необходимость следить за тем, чтобы к вывозу не допускались сорта минеральных масел, использовавшиеся немецкими подводными лодками.

В том же январе, 26 числа, Совет министров провел еще одно заседание, вызванное письмом главнокомандующего армиями Северного фронта по вопросу о вывозе в Швецию продовольственных и иных грузов. Предлагалось оказать содействие со стороны гражданских властей к полному прекращению вывоза в эту страну продуктов из России.

Совет министров констатировал, что ему уже неоднократно приходилось обсуждать данную проблему, и в случаях, когда разрешение все же выдавалось, правительственный орган руководствовался единственно желанием сохранения добрососедских отношений.

Полное прекращение вывоза товаров, по мнению Совета министров, неминуемо вызвало бы ответные негативные действия со стороны Швеции, что могло сказаться на поставках из-за границы необходимых для снабжения российской армии припасов. Поэтому Совет министров также отмечал, что вывоз товаров должен осуществляться исключительно при условии предоставления гарантии на ввоз необходимых товаров в Россию. На основании такого подхода приходилось мириться с утечкой предназначенных для Швеции грузов в Германию [З. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 483. Л. 30–30 об]. Таким образом, предложение военного командования фронта было отвергнуто.

Вмешательство Англии в торговлю Швеции отчасти объяснялось поставками шведского коровьего масла, которое до войны ввозилось в Великобританию, а в условиях военных действий отправлялось по высоким ценам в Германию. При этом Швеция пыталась беспрепятственно доставлять на свою территорию сырье, являвшееся основой для изготовления маргарина, также предназначавшегося для вывоза в Германию. Туда же направлялись кожаная обувь, шинели, одеяла военного образца, лошади, высококачественная железная руда, добываемая в северной Швеции и являвшаяся серьезным подспорьем для немецкой военной промышленности [9. Ф. 323. Оп. 617. Д. 8. Л. 37, 51].

Таким образом, ситуация, связанная с поставками сырья в шведские порты, в отличие от торговли с Данией и Норвегией, имевшими устойчивые отношения с Англией, отличалась политической и экономической нестабильностью, требовавшей осторожности в осуществлении внешнеполитических контактов. Формы государственного влияния на циркуляцию информации, связанной с этими проблемами, отличались особой строгостью, поэтому заметка в «Вечернем времени» не могла быть не отмечена военной цензурой.

Вторая причина, вызвавшая особую реакцию со стороны Петроградской военно-цензурной комиссии, была связана с особенностями взаимодействия между цензурой и периодическими изданиями в Петрограде. Введенное в срочном порядке на основе именного Высочайшего указа от 20 июля 1914 г. в порядке ст. 87 основных государственных законов, т.е. без участия Государственной Думы, Временное положение о военной цензуре должно было решить в условиях войны ряд важных задач, среди которых на первом месте находилось сохранение военной тайны, а также создание препятствий для традиционно сопровождавшего любую войну распространения слухов. Государственная Дума и сами средства печати, готовые сотрудничать с правительством, не возражали против реализации этих функций.

Однако военно-цензурные ограничения не исчерпывались двумя этими очевидными целями. Более того, еще как минимум одно направление деятельности военно-цензурного ведомства постепенно оттесняло на

второй план все остальные. Статья 31 Временного положения вменяла в обязанность военным цензорам не допускать к опубликованию в печати всякого рода сведений, которые могли быть не предусмотрены правилами, издаваемыми на основании ст. 11 Положения, но, по мнению цензора, могли оказаться вредными для военных интересов государства.

При практической реализации этой статьи задачи конкретизировались следующим образом: «Органы военной цензуры обязаны оценивать поступающие на их просмотр сообщения, статьи и конспекты речей и докладов не с одной лишь узко военной точки зрения, а также и с общеполитической, с целью недопущения таких сведений, статей или докладов, содержание коих способствует нарушению нормального хода внутренней жизни государства и этим вредит его военным интересам. В этих случаях военные цензоры обязаны применять право, предоставленное им статьей 31 Временного положения о военной цензуре» [З. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 896. Л. 121 об.–122].

Таким образом, полномочие цензора допускать определенное уклонение от жестких рамок военно-цензурного закона планомерно переходило в обязанность осуществления контроля над сферами государственной внутренней и внешней политики. Решение задачи сохранения военной тайны не утратило своего значения, но стало оказывать заметно меньшее влияние на циркуляцию информации, уступая место административному воздействию на массовые настроения. В содержание этого пункта Временного положения уже изначально был заложен конфликт, который в дальнейшем в условиях войны определил как деятельность самой военной цензуры, так и ее оценку в рамках развивавшегося конфликта власти.

Эти особенности отмечают отдельные современные исследователи. Например, И.К. Богомолов зафиксировал, что «в годы войны критики власти рассматривали “русскую” цензуру как характерный и, что не менее важно, самобытный пример произвола властей» [10. С. 101]. Более развернутым выглядит высказывание П.В. Батулина: «Согласно Временному положению 1914 г. военная цензура была дополнением к законодательству о печати, т.е. должна была взаимодействовать с ГУП МВД, и поэтому как сама военная цензура приобрела сразу же политический характер, так и вопрос о ее усовершенствовании» [11. С. 145].

Противодействие утечке важной информации точно так же, как и негласное разрешение на распространение определенных сообщений и материалов, становилось обязательной функцией деятельности военных цензоров. Редакции газет, в свою очередь, старались четко определять для себя возможность соблюдения заданных параметров в освещении различных тем, не выходя за пределы установленных границ. Поскольку возможности публичного оповещения общественности в стенах Государственной Думы имели по разным причинам (в том числе и из-за перерывов в ее работе) ограниченные возможности, публикации на страницах газет зачастую выглядели и для союзников России, и для ее врагов как официальный или пока неофициальный, но в перспективе возможный правительственный

подход к решению тех или иных проблем внутренней и внешней политики.

Однако вернемся ко второй части публикации газеты «Вечернее время»: «Из высокопоставленного источника мы можем сообщить, что все эти слухи решительно ни на чем не основаны, — опровергало издание свои собственные высказанные предположения. — Отношения между двумя правительствами вполне хорошие, и нет никаких причин для того, чтобы они омрачились» [8]. В заключение небольшой заметки также упоминались связанные с этой проблемой слухи, «которые, очевидно, с тенденциозными сведениями, распространялись за последние дни в нашей столице» [8].

Председатель Совета министров И.Л. Горемыкин 24 апреля 1915 г. в своем письме на имя министра внутренних дел Н.А. Маклакова сообщал об обсуждении на заседании, состоявшемся 21 апреля 1915 г., в Совете министров проблем, связанных с периодической печатью. Было высказано пожелание со ссылкой на обстоятельства переживаемого военного времени, чтобы готовившиеся публикации подлежали предварительному просмотру не только военных цензоров, но и чинов ведомства внутренних дел, чтобы разрешение статей было поставлено в зависимость от взаимного соглашения представителей обоих ведомств. Совет министров признал необходимым предложить министру внутренних дел заключить соглашение с военными властями для установления соответствующего порядка. Одновременно, в соответствии с заявлением министра иностранных дел С.Д. Сазонова, Совет посчитал необходимым привлечь к надзору за периодической печатью и чиновников Министерства иностранных дел [7. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1414. Л. 5–5 об.].

Поскольку Петроградская губерния находилась на военном положении, здесь цензура действовала в полном объеме, т.е. практически была предварительной. Материалы, подлежащие проверке, поступали к председателю Петроградского комитета по делам печати и им распределялись для цензурирования между цензорами, состоявшими в распоряжении этого Комитета, а также дежурным представителям от других ведомств. Публикация «Вечернего времени», затрагивавшая внешнеполитические интересы Российской империи, в обязательном порядке должна была быть представлена в гранках чиновнику Министерства иностранных дел, выполнявшему цензурные функции.

Только после выхода издания в свет выяснилось, что статья под заглавием «Нелепые слухи» в номере от 21 апреля «Вечернего времени» была «напечатана в названной газете без представления ее на предварительное рассмотрение военной цензуры» [3. Ф. 1343. Оп. 6. Д. 45. Л. 22]. Ситуация усложнялась тем, что на основе циркулярного распоряжения председателя Петроградской военно-цензурной комиссии от 4 января 1916 г. газета «Вечернее время» находилась под «полной цензурой» [7. Ф. 778. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.], т.е. обязана была предоставлять все свои материалы для предварительного цензурного просмотра.

Практика сознательного избегания военной цензуры не имела постоянной основы, но все же время от

времени отмечалась в документах цензурного ведомства. Так, на этом основании была наказана газета «Биржевые новости», отличавшаяся, по словам исполнявшего обязанности председателя Петроградского комитета по делам печати, распространением «самых нелепых сенсаций и составлением в недрах самой редакции телеграмм от так называемых собственных корреспондентов, находившихся будто бы во всех частях света» [3. Ф. 1343. Оп. 6. Д. 8. Л. 180]. Распоряжением начальника Петроградского военного округа эта ежедневная вечерняя газета была закрыта, но появилась вновь под новым названием «Новости дня».

В середине марта 1916 г. в № 25 этого издания было объявлено, что «румынская армия приведена на военное положение», что в Петрограде уже состоялся спешный «призыв румын» и что Германия и Австрия «уже предъявляют Румынии ультиматум» [3. Ф. 1343. Оп. 6. Д. 8. Л. 180 об.]. В газете содержался вывод, что «выступление Румынии последует в течение ближайших недель и даже, может быть, нескольких дней, между тем, как известно, ничего подобного в действительности нет» [3. Ф. 1343. Оп. 6. Д. 8. Л. 180 об.].

Общее собрание военных цензоров по делам печати, рассмотрев в заседании от 29 марта систематическое отступление редакции газеты «Новости дня» от закона, постановило вызвать редактора газеты в военно-цензурную комиссию для строгого внушения и предупреждения, что «в случае повторения в будущем подобных нарушений военно-цензурных правил и представления в цензуру ложных известий о военных событиях будет возбуждено ходатайство перед высшими властями о высылке его из города Петрограда на все время военных действий» [3. Ф. 1343. Оп. 6. Д. 8. Л. 187 об.]. Газету же предлагалось закрыть на все время войны.

Таким образом, циркулировавшие в обществе слухи в условиях Первой мировой войны регулярно проникали на страницы газет, находя в осуществляемых публикациях подтверждение или опровержение своей достоверности. В сложившейся ситуации сложно было определить первичность и вторичность такого рода сведений: периодическая печать порождала различного рода домыслы или устные измышления становились основой для газетных публикаций. Вероятно, авторы подобного рода информации зачастую сами были уверены в ее достоверности, поскольку получали ее из «достоверных источников».

В статье не идет речь о слухах, носивших масштабный характер и получивших широкое распространение в печати, таких как шпиономания, предательство «инородцев» (даже из числа членов царской фамилии) или зверства противника. Авторы в большей степени интересовало отношение к распространяемым новостям средств печати и военно-цензурных органов, отвечавших как за безвредность публикуемых сведений для военной безопасности страны, так и за общественные настроения в тылу, за восприятие войны населением.

Примеры новостей, послуживших основой недостоверных письменных слухов, позволяют сделать вывод, что большинство из них было порождено от-

существованием надежной информации из официальных источников, желанием периодических изданий привлечь читателя интересной, хотя и не всегда достоверной информацией.

Список источников

1. Речь. 1914. № 193. 22 июля.
2. Луман Нс. Реальность массмедиа. М. : Праксис, 2005. 256 с.
3. Российский государственный военно-исторический архив.
4. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб. : Питер, 2002. 368 с.
5. Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М. : Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.
6. Леонов С.В. Эволюция массового сознания в России в Первую мировую войну // Россия в мировых войнах XX века : материалы науч. конф. М. : Моск. гос. пед. ун-т, 2002. С. 61–73.
7. Российский государственный исторический архив.
8. Вечернее время. 1916. № 1455. 21 апр.
9. Архив внешней политики Российской империи.
10. Богомолов И.К. Государственная Дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история. 2022. № 4. С. 96–117.
11. Батулин П.В. Военная цензура в период Первой мировой войны и революции 1917–1918 гг.: проблема сущности и преемственности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 16-3. С. 141–155.

References

1. *Rech'*. (1914) 22nd July.
2. Luhmann, N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The Reality of Mass Media]. Translated from German. Moscow: Praksis.
3. The Russian State Military Historical Archive.
4. Olshanskiy, D.V. (2002) *Psikhologiya mass* [Psychology of the Masses]. St. Petersburg: Piter.
5. Aksenov, V.B. (2020) *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii (1914–1918)* [Rumors, Images, Emotions. Mass Moods of Russians During the War and Revolution (1914–1918)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Leonov, S.V. (2002) *Evolutsiya massovogo soznaniya v Rossii v Pervuyu mirovuyu voynu* [Evolution of Mass Consciousness in Russia during the First World War]. In: *Rossiya v mirovykh voynakh XX veka* [Russia in the World Wars of the 20th Century]. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 61–73.
7. The Russian State Historical Archive.
8. *Vechnoye vremya*. (1916). 21st April.
9. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
10. Bogomolov, I.K. (2022) *Gosudarstvennaya Duma i tsenzurnaya politika v gody Pervoy mirovoy voyny* [The State Duma and Censorship Policy during the First World War]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 96–117.
11. Batulin, P.V. (2006) *Voennaya tsenzura v period Pervoy mirovoy voyny i revolyutsii 1917–1918 gg.: problema sushchnosti i preemstvennosti* [Military Censorship during the First World War and the Revolution of 1917–1918: The Problem of Essence and Continuity]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 16-3. pp. 141–155.

Сведения об авторах:

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета (Брянск, Россия). E-mail: blohin.val@yandex.ru

Шевцов Вячеслав Вениаминович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: totleben@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Blokhin Valery F. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the National History, Bryansk State University (Bryansk, Russian Federation). E-mail: blohin.val@yandex.ru

Shevtsov Vyacheslav V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: totleben@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.01.2024; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 29.01.2024; accepted for publication 15.01.2025